

Список литературы

1. *Бабореко А. К.* И. А. Бунин: материалы для биографии с 1870 по 1917 г. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1983. 351 с.
2. *Бунин И. А.* Собр. соч. : в 9 т. Т. 3 : Повести и рассказы. 1907–1911. М. : Худож. лит., 1965. 503 с.
3. *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова. М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. 640 с.
4. *Гладков В. Д.* Древний мир : энцикл. слов. Т. 1. Донецк : МП «Отечество», 1996. 512 с.
5. *Миронова Л. Н.* Цвет в изобразительном искусстве : пособие для учителей. Минск : Беларусь, 2003. 150 с.
6. *Пращерук Н. В.* Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 231 с.
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт.-сост. К. Королев]. М. ; СПб. : Эксмо : Мидгард, 2005. 604 с.

Н. Д. Черноскутова (Екатеринбург)

«Русский мир» в мемуаристике И. А. Бунина*

Мемуаристика – особая грань творческой биографии И. А. Бунина. На протяжении всей жизни Иван Алексеевич делал записи, заметки, писал дневники, очерки, воспоминания. Первые подступы к мемуарной прозе писатель осуществил задолго до эмиграции: это дневниковые записи, путевые поэмы, цикл «Тень птицы» (1907–1911), путевые дневники «Воды многие» (1910–1911), наброски будущей книги «О Чехове» (1904, 1914). Все богатство жанров мемуарной прозы представлено в творчестве Бунина эмигрантского периода. В это время им были написаны мемуарно-публицистическая книга «Окаянные дни» (1935), роман «Жизнь Арсеньева» (1927–1952), мемуарно-философские произведения «Освобождение Толстого» (1937), «Воспоминания» (1950), «О Чехове» (1955, опубликовано посмертно).

* Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Н. В. Пращерук.

© Черноскутова Н. Д., 2017

Одной из самых резких и обличительных мемуарных книг Бунина является последняя из вышедших при жизни писателя – книга «Воспоминания». В нее вошли мемуарные очерки и автобиографические заметки, создававшиеся Буниным в 1920–1930-е гг. Они посвящены значительным людям современной Бунину эпохи, которых он близко и хорошо знал. После выхода в свет книга вызвала неоднозначную оценку, многие обвиняли Бунина в излишней критичности, а также в крайней субъективности суждений.

По словам авторитетного буниноведа Ю. В. Мальцева, книга «Воспоминания» «отличается редким бесстрашием, независимостью суждений и, как все у Бунина, исполнена искренности и глубокой убежденности» [2, с. 349]. Действительно, в своей книге писатель не стесняется в замечаниях и характеристиках, но делает он это не для того, чтобы эпатировать читателя, а только с целью отразить собственный взгляд на определенные события прошлого. Следовательно, ошибочно считать мемуарные очерки Бунина ложными лишь потому, что они расходятся с общепринятым представлением о той или иной именной персоне. Заметки Бунина представляют собой лишь частное наблюдение и не претендуют на исчерпывающую, развернутую характеристику личности. О критичности Бунина Ю. В. Мальцев пишет следующее: «Бунину с его страстностью, непримиримостью и цельностью было достаточно одного маленького диссонанса, одной слабости или одного фальшивого слова, чтобы отвергнуть целиком любую знаменитость. Он сам всю жизнь был недоволен собой, беспощаден к себе, всю жизнь стремился к совершенству и того же требовал от других. Жажда совершенства в нем была столь же сильна, как и жажда вечности, невозможность того и другого доставляла ему большое страдание» [2, с. 350].

Книга «Воспоминания» завершает творческий путь писателя, в ней Бунин словно оглядывается на прожитую жизнь, подытоживает все то, что видел, собирает воедино накопленные за много лет воспоминания. Несмотря на то, что книга состоит из записок, создававшихся в разное время, она, безусловно, является целостным и законченным произведением. Существуют все основания для того, чтобы назвать «Воспоминания» циклом. Все части произведения связаны единством смысла и подчинены авторскому замыслу и некому общецикловому сюжету, но при этом каждая часть обладает определенной независимостью и самодостаточностью. С первых строк Бунин задает тон всего последующего повествования. Он вспоминает, что его писательская жизнь началась в раннем детстве. Однажды он увидел картину, называвшуюся «Встреча с кретином», и его глубоко поразило новое для него на тот момент слово «кретин». Этот

эпизод Бунин отметил как свое первое поэтическое волнение. Но и это, казалось бы, важное и серьезное событие, Бунин обыгрывает со свойственной ему саркастической иронией. Он видит некий пророческий знак в том, что именно картина «Встреча с кретином» так повлияла на него, «ибо во всей моей дальнейшей жизни, – рассуждает писатель, – пришлось мне иметь немало и своих собственных встреч с крестинами...»; «Мне вообще суждена была жизнь настолько необыкновенная, что я был современником даже и таких крестин, имена которых навеки останутся во всемирной истории, – тех величайших гениев человечества, что разрушали целые царства, истребляли миллионы человеческих жизней» [1, с. 410]. Так Бунин предуведомляет читателя о том, что будет предметом его воспоминаний, каким образом он будет вести повествование и, самое главное, начинает формулировать свою непримиримую позицию по отношению к произошедшим революционным изменениям.

Доказательством целостности произведения является его структура. Книга построена так, что первый и последний очерк создают композиционное обрамление. Целостность текста «Воспоминаний» как нельзя лучше задается пропорциональностью зачина и финала. Вводный очерк «Автобиографические заметки» повествует о начале писательского пути Бунина, о его первом поэтическом волнении: «Моя писательская жизнь началась довольно странно. Она началась, должно быть, в тот бесконечно давний день в нашей деревенской усадьбе в Орловской губернии, когда я, мальчик лет восьми, вдруг почувствовал горячее, беспокойное желание немедленно сочинить что-то вроде стихов или сказки» [1, с. 409]; заключающий очерк «Нобелевские дни» изображает Бунина на вершине его писательской славы, во время триумфа мирового значения. «Однако твердо могу сказать я и то, что из всех радостей моей писательской жизни это маленькое чудо современной техники, этот звонок из Стокгольма в Грасс дал мне, как писателю, наиболее полное удовлетворение. Литературная премия, учрежденная вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем, есть высшее увенчание писательского труда!» [1, с. 617]. Следовательно, Бунин проводит своих читателей от отправной точки в своем творчестве – первого осознанного желания писать, до его апогея – всеобщего признания. И все описанное в книге остается в рамках этих двух ключевых событий в жизни Бунина.

Стоит отметить, что подобная структура произведения имеет особое значение. Композицию можно назвать кольцевой, поскольку в очерке «Нобелевские дни» явно прослеживаются мотивы символического возвращения на родину. Очерк насыщен упоминаниями России. Бунин после

долгого перерыва впервые отправляется в длительную поездку на поезде, что напоминает ему Россию, так как в эмиграции он был лишен возможности путешествовать. Северный пейзаж Скандинавии также позволяет проводить явные параллели с родиной: «Все стою на площадке вагона, который идет в поезде последним. И, вырываясь из-под вагона, несется назад в бледном лунном свете нечто напоминающее Россию: плоские равнины, траурно-пестрые от снега, какие-то оснеженные деревья...» [1, с. 612]. Нет сомнения, что север и холод тесно связаны с Россией, поэтому Бунин дает отсылки к русским зимним реалиям: «Лед и на рельсах. На людях, проходящих по платформе, меховые шапки, шубы – как давно не видал я всего этого и как, оказывается, живо хранил в сердце!» [1, с. 612], которые можно рассмотреть как намеки на своеобразное возвращение на родину. «За окнами чернота и белизна, сплошные черные леса в белых глубоких снегах. И все это, вместе с жарким теплом купе, совсем как ночи когда-то на Николаевской дороге» [1, с. 612]. В каждом описании чувствуется долгая, глубокая тоска Бунина по России, и даже Стокгольм ему кажется невероятно схожим с Петербургом.

Из очерка «Нобелевские дни» следует, что европейское культурное сообщество воспринимало Бунина как последнего представителя настоящей, истинной России, которой, к моменту присуждения премии, уже не существовало. Но для Бунина было важно не только общеевропейское признание, но и статус национального духовного лидера «для той России, которая сейчас рассеяна по всему свету <...> решение Стокгольма стало для всей этой России, столь униженной и оскорбленной во всех своих чувствах, событием истинно национальным» [1, с. 611]. Он чувствовал за собой право быть центром культурного единения людей, потерявших свое отечество.

Итак, начав свое повествование от деревенской усадьбы в Орловской губернии, Бунин заканчивает его в Швеции. Эта страна помогает ему почувствовать свободу, получить признание, а также внутренне обрести Россию, совершить символическое возвращение на Родину. Подобное возвращение подытоживает непрерывный, напряженный поиск России в своих воспоминаниях. Бунин по крупицам собирает утраченную родину и воссоздает в своей книге русский мир, уничтоженный революцией.

Художник демонстрирует уникальную способность жить в чужом времени, остро чувствовать прошлое, описывать его детали и мельчайшие подробности.

В своей прозе, в мемуарах и, в частности, в книге «Воспоминания» Бунин создает символическое русское пространство. То есть в его

художественном мире, в его произведениях погибшая Россия продолжает жить. Каждый очерк наполнен яркими диалогами и ситуациями, в которых раскрывается не только образ героя, но и образ жизни определенного общественного круга. Показательным в этом плане является очерк «Шалапин». «Раз, приехав на “Среду”, Шалапин тотчас же сказал: – Братцы, петь хочу! Вызвал по телефону Рахманинова и ему сказал то же: – Петь до смерти хочется! Возьми лихача и немедленно приезжай. Будем петь всю ночь» [1, с. 494]. В «Воспоминаниях» великий русский голос выступает как самый колоритный носитель русского национального характера. Благодаря описаниям Бунина, читатель чувствует размах, богатырство, широту души, удаль, балагурство, «русскость» Шалапина. Образу знаменитого оперного певца сопутствует атмосфера праздника, «ночного кутежа», шумного ресторана, лихой езды по снегу на тройке. Бунин не просто передает свои воспоминания о том или ином человеке, он позволяет читателю услышать голос своего героя, увидеть его и окружавший его мир, мир русской жизни.

Большое значение Бунин придает первым встречам с людьми, которые впоследствии стали героями «Воспоминаний». Например, первую встречу с композитором С. В. Рахманиновым он характеризует следующим образом: «произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве» [1, с. 481]. Бунин отмечает искренний дружеский порыв, соединивший его и Рахманинова, подобный тому, что соединил Герцена и Огарева. Бунин и Рахманинов даже скрепляют свой союз клятвой, схожей с той, что была дана на Воробьевых горах в 1827 г. «Он обнял меня и сказал: “Будем друзьями навсегда!”» [1, с. 481]. Такая дружба была свойственна русским людям, творящим культуру, и неслучайно Бунин дает отсылки к девятнадцатому веку, который знает не один пример союза творческих душ.

В «Воспоминаниях» Бунин выступает не только в роли повествователя, но и является героем очерков. Например, в очерке «Репин», который рассказывает о неудавшейся попытке великого русского художника написать портрет писателя, поведение Бунина и Репина, отчасти и в юмористическом ключе, отражает противоположные грани русского характера. Репин, увлекшийся вегетарианством, пытается увлечь Бунина тем же. «Вот тут я буду вас писать по утрам, а потом будем завтракать, как господь бог велел: травкой, дорогой мой, травкой! Вы увидите, как это очищает и тело и душу, и даже ваш проклятый табак скоро бросите» [1, с. 483].

Такое поведение отражает способность русского человека увлекаться безоглядно, самозабвенно и в то же время его склонность к аскетическому образу жизни. Бунин, не являвшийся сторонником аскетического отречения от земных благ, иронично описывает свой «побег» от художника: «стал низко кланяться, горячо благодарить, забормотал, что завтра же приеду, но что сейчас должен немедленно спешить назад, на вокзал – страшно срочные дела в Петербурге. И сейчас же пустился со всех ног на вокзал, а там кинулся к буфету, к водке, закурил, вскочил в вагон...» [1, с. 483]. В поведении Бунина угадываются другие черты русского национального характера: естественность в привычках, хлебосольность, нежелание отказывать себе в простых удовольствиях. И, несмотря на диаметрально противоположность в поведении, в чертах и Бунина, и Репина, читатель узнает природу русского человека.

В «Воспоминаниях» писателя русский мир воссоздается благодаря героям, благодаря памяти о них, которую писатель пронес сквозь множество испытаний. Образ Родины заключен в воспоминания о людях, связанных с Россией. Представляя этих людей во всей полноте и жизненности их характеров и поведения, Бунин воссоздает Россию.

Но не все герои «Воспоминаний» отражают черты той старой России, которую Бунин бережно хранит. Отбор художественных средств для создания образа каждого героя зависит от авторской концепции той или иной персоналии. В «Воспоминаниях» Бунин устанавливает жесткие моральные критерии оценки личности. И те, кто их не выдерживал, подвергался критике, осуждению, насмешке. Одна из главных особенностей мемуарной книги Бунина заключается в том, что зачастую свою оценку Бунин выражал в иронической форме. Но ирония в книге соседствует рядом с резко отрицательным отношением, поэтому даже самые, казалось бы, забавные моменты вызывают лишь горький смех. Такие чувства вызывают воспоминания, связанные с Маяковским: «...и начал Маяковский с того, что вдруг подошел к нам, двинул стул между нами и стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов; Галлен глядел на него во все глаза – так, как глядел бы он, вероятно, на лошадь, если бы ее, например, ввели в эту банкетную залу. Горький хохотал. Я отодвинулся» [1, с. 455]. Маяковский олицетворяет неприемлемые для Бунина процессы, происходившие в обществе в начале двадцатого века, поэтому он безжалостен. Бунин критикует упадок национальной культуры, появление модернистских течений, которые, как он считал, разрушают классическое искусство, революционные изменения и их кровавые последствия, тщеславие

и самовлюбленность, присущие творческим деятелям того времени, предательство истинной Родины. Все то, что разрушило Россию, разрушило русский традиционный мир.

Список литературы

1. Бунин И. А. Гегель, фрак, метель / предисл. О. Клинка ; коммент. А. Бабореко, О. Михайлова. М. : ПРОЗАиК, 2014. 671 с.
2. Мальцев Ю. В. Иван Бунин, 1870–1953. Frankfurt a. M. ; М. : Посев, 1994. 432 с.

Е. И. Канарская (Нижний Новгород)

Образ Чичикова как связующее звено реального и ирреального миров в пьесах Н. В. Коляды «Коробочка» и «Мертвые души»

Пьесы Н. В. Коляды «Коробочка» и «Мертвые души» являются ярким примером реализации диалогической теории М. М. Бахтина, иллюстрирующим идею открытия и преобразования смыслов ранее созданных художественных произведений в процессе их восприятия другим творческим сознанием. Уже сами названия указанных пьес и цитируемый в них обширный текстовый материал подсказывают, что основой смыслопорождения для драматурга выступает творчество Н. В. Гоголя.

Представляется, что анализ художественного наследия Гоголя позволяет рассматривать в качестве организующего принципа инвариантной модели его произведения двоемирие. Иными словами, в любом произведении классика существуют два мира – условно реальный и ирреальный, при этом ирреальное, однозначно оцениваемое автором как демоническое, злое, всегда присутствует в условной реальности. Результатом этого присутствия становится «разрушение естественного полнокровного течения жизни, ее законов» [10, с. 75–76]. В общественном преломлении такой «беспорядок природы» воплощается во всепроникающей пошлости.